

ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КАК НАУКЕ И УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

© 2009 г. И. В. Левакин¹

При обширном научном опыте, накопленном за прошедшие века, теоретические исследования государства и права по-прежнему актуальны, точки зрения по поводу их сущности и форм, закономерностей развития и т.п. различны, процесс их познания бесконечен. Идеал всякой общественной науки – выявление объективных закономерностей и тенденций развития изучаемого явления, “но это именно идеал, который едва ли может быть достигнут вполне, ибо вместе с развитием изучаемого предмета развивается и обогащается знание о нем, а каждый новый шаг в развитии науки, равно как социальная и юридическая практика, открывают новые горизонты и ставят новые проблемы как перед самой наукой, так и перед практикой государственно-правового строительства”².

Соответственно, необходима развивающаяся вместе с государством и правом система научных знаний об их взаимосвязанных закономерностях (общих закономерностях государства, общих закономерностях права), которую в отечественной традиции в основном выполняет теория государства и права (теория права и государства): о праве – в большей степени, хотя и другие социальные науки вторгаются в эту область знания; о государстве – в меньшей, так как политология, социология, социальная философия, прочие традиционные науки и новые научные направления имеют предметом значительные стороны общественной, а значит (в современном виде) государственно-организованной действительности.

Существует множество работ по теории государства и права (хотя в своем содержании многие из них повторяются), теории права, философии права, социологии права. В них предмет теории государства и права толкуют так и сяк, даже в учебниках практически нет единого подхода к ее методологии, зачастую вместо накопления и совершенствования научных знаний предлагается разрушить эту единую теоретическую науку и на ее обломках создать новые науки и научные направления. Юриспруденции по самой ее сути присущ консерватизм. Понятно, что условия меняются и необходимо преодолевать естественный формализм юристов, тем не менее не надо выплескивать с водой ре-

бенка, разрушая сложившуюся логическую структуру теории государства и права, внутреннюю организацию выражаемых ею теоретических знаний, проявляющихся в последовательной и необходимой связи образующих ее элементов – понятий, категорий, суждений, специальных теорий и т.д.

Профессор М.И. Байтин, критикуя современную тенденцию разделения сложившейся единой науки общей теории государства и права, отмечает у сторонников подобных взглядов “явное недопонимание всей глубины и значения взаимосвязи между государством и правом”³, при этом он ссылается на известного советского ученого М.А. Аржанова, который считал, что “нет ни одной стороны права, которая не находилась бы в тесной и прямой связи с государством, и наоборот”⁴.

Еще в 70-х годах прошлого века известный советский правовед А.М. Васильев четко обосновал господствовавший в отечественной юриспруденции взгляд на объективную структуру теории государства и права: “Это единая наука. Однако в ее логической структуре выделяется не одно, а несколько взаимосвязанных теоретических построений. Это объясняется тем, что теория государства и права изучает взаимообусловленные, но все же разные по своей предметной сущности общественные явления. Поэтому в ее логическом строе имеются и относительно обособленные теоретические подсистемы, воспроизводящие в специфических категориях объективную сущность и формы проявления этих явлений”⁵.

В 1981 г. в фундаментальном труде “Общая теория права” проф. С.С. Алексеев остро поставил вопрос о статусе общей теории права, рассматривая два основных подхода в советском правоведении: первый, обозначенный нами выше, характеризовал общую теорию права как совокупность общетеоретических знаний о праве, которая образует относительно обособленную часть внутри единой теории государства и права; второй, которому автор отдавал предпочтение, характеризовал общую теорию права в качестве относительно самостоятельной научной дисципли-

¹ Заместитель директора ГНИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правового строительства и права РАГС при Президенте РФ, доктор юридических наук.

² См.: *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 9; Особенности такого подхода Б.М. Кедров определил, как “движение познания за изменяющимся в данный момент объектом” (см.: *Формы мышления.* М., 1962. С. 135).

³ *Байтин М.И.* О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // *Гос. и право.* 2007. № 4. С. 5.

⁴ *Аржанов М.А.* Государство и право в их соотношении. М., 1960. С. 35.

⁵ *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 38.

плины, которая все более отпочковывается от общей теории государства и права, но не порывает с ней.

С.С. Алексеев при обосновании самостоятельной разработки теории права выделял следующий существенный момент: **“Если общетеоретические знания, охватывающие одновременно и государство, и право, являются для правоведения исходными, отправными, то общая теория права, посвященная только юридической части надстройки, по своему профилю во всех отношениях согласуется с особенностями правоведения как теоретико-прикладной области специальных общественных знаний”**⁶.

На различных этапах развития государства и права взгляды авторов на их сущность, соотношение и, следовательно, на логическую структуру теории государства и права постоянно трансформировались. На современном этапе развития общественных наук теория государства и теория права как относительно самостоятельные теоретические подсистемы получили свое развитие в ряде монографий, учебников и научных статей. В некоторых из них в той или иной степени затрагиваются проблемы исследования государства и права, а также формы и структуры знаний об этих общественных феноменах, раскрывающих внутреннюю логику государственно-правовой теории. Полагаем, что чем более специализированными становятся теория государства и теория права, чем более развивается их автономная система категорий, тем острее проявляется необходимость выявления их глубинной объективной диалектики взаимодействия как сущностно взаимосвязанных общественных феноменов.

Проблемы сущности государства и права достаточно исследованы, а основные подходы к данной проблематике отражены в современных теоретико-правовых работах. Например, представители либертарно-юридической школы, В.С. Нерсисянц и В.А. Четвернин, пришли в своих исследованиях к выводу о том, что **“право и государство, в сущности, – одно и то же”**, – по разным причинам, но, главное, на том основании, что **“одно без другого существовать не может. По происхождению они одинаковы, – когда возникает право, тогда и возникает государство и так далее”**⁷. Либертарно-юридическая теория утверждает, что сущность права – это свобода и что **право и государство суть необходимые формы свободы, а именно: право – нормативная форма свободы, государство – институциональная форма свободы**.

Профессоры В.К. Бабаев, В.М. Баранов и В.А. Толстик в своем популярном учебном пособии в схемах и определениях выделяют основные подходы к пониманию сущности права, а вот основные подходы к пониманию сущности государства в упомянутом посо-

бии не рассматриваются⁸. Впрочем, специального рассмотрения этой проблемы избегают многие авторы больших учебников, монографий и целых академических курсов по теории государства и права и ее проблемам⁹. Они выделяют лишь основные подходы к понятию государства, дают его определение (например, государство – суверенная, универсальная организация политической власти, призванная обеспечить нормальную жизнедеятельность людей, имеющая свою территорию, аппарат принуждения и взимающая налоги, необходимые для осуществления внутренних и внешних функций). Право (правотворчество, правовая система, законы и т.д.) ими специально не упоминается при характеристике признаков государства: организация политической власти, суверенитет, территория, налоги, легализованное принуждение (насилие)¹⁰. Но как право ни гонят в “дверь”, оно возвращается в “окно”, достаточно только отметить, что легальное и есть синоним законного.

Явно, что авторы данных работ, как и некоторые другие, изо всех сил пытались “найти такое понимание права, где ему было бы отведено независимое от государства место”¹¹. Стремясь к теоретическому размежеванию права и государства, авторы учебника под ред. М.Н. Марченко сначала подтверждают, что **“право возникает в силу одних и тех же объективных причин и потребностей одновременно с государством. В своем взаимодействии они образуют своеобразное единое целое – “государство-право”, существуя и функционируя в этом взаимодействии неразрывно друг от друга”**, а затем корректируют собственную мысль, говоря о том, что **“это еще не означает, что государство и право являются друг для друга признаком, причиной своего возникновения. Теоретические конструкции “государство ничто без права” или “право ничто без государства” крайне упрощенно толкуют проблему. Все-таки государство и право, – не отрицая их теснейшего и необходимейшего взаимодействия, – в своем содержании, организации, историческом движении, формах – достаточно самостоятельные явления. Тот же факт, что бытие одного явления невозможно без другого явления, еще не означает, что они представляют собою признак друг для друга. Например, государство невозможно во всех смыслах без общества, экономики, природной окружающей среды. Но при этом ни общество, ни экономическую систему, ни воз-**

⁸ См.: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Учебное пособие. М., 1998. С. 33.

⁹ См., например: Общая теория государства и права. Академический курс. В 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1988; Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2000; Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002; Проблемы теории государства и права / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008 и др.

¹⁰ См.: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Указ. соч. С. 201–202.

¹¹ Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Гос. и право. 2006. № 8. С. 45.

⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 16–17.

⁷ Либертарно-юридическая концепция права (см.: http://www.sapov.ru/seminar/stenogramma_09.htm).

дух, ни солнце нельзя считать признаками государства»¹².

Во-первых, напомним, что с точки зрения классического подхода к понятию государства как триединства территории (часть окружающей среды), населения (общество), власти «сущность государства первого порядка является совокупностью его свойств, характеризующих государство как политико-территориальную организацию власти»¹³.

Во-вторых, исследование любого государства не может ограничиваться его онтологическим содержанием, которое состоит в определении оснований. Характеристика государства, рассматриваемого вне его функциональных свойств в связи с осуществляемой им властью, не является в достаточной мере полной. В реализации государственного суверенитета (верховенства государственной власти), функционировании правовой системы (легализованного принуждения и т.д.), экономических формах деятельности (налогах, сборах, займах и др.) обнаруживаются необходимые свойства государства.

Большинство исследований по теории государства и права содержат определения государства, одним из основных признаков которого в той или иной форме является «правовое» (правовая система, издание правовых норм и т.д.), и определения права, одним из признаков которого является «государственное» (устанавливается, санкционируется, охраняется государством и т.д.). В учебнике «Общая теория права» под общ. ред. проф. А.С. Пиголкина в качестве признака государства, отличающем его от догосударственных форм общественной организации, выделяется издание правовых норм. А нормы права, которые рассматриваются авторами в качестве первичной исходной «клеточки» сложившегося юридического права, характеризуются тем, что официально «устанавливаются (либо санкционируются) государством, носят общеобязательный характер, их исполнение в необходимых случаях поддерживается государственным принуждением»¹⁴. Профессор В.Е. Чиркин формулирует современное обобщенное понятие государства, где в числе прочего указывает, что **государство «строится на основе** разделения населения по политико-территориальным единицам, создания специальных органов, выделения управленческого персонала, **использования институтов гражданства и права»**¹⁵. Подобные примеры можно продолжать¹⁶.

¹²Теория государства и права. Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2004.

¹³Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 147.

¹⁴Общая теория права. Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 1995. С. 87.

¹⁵Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 42.

¹⁶Еще К. Фрикер (родоначальник обоснования пространственной теории в Германии) обосновал следующее глубокое, интересное, не устаревшее и поныне определение: «Государство – это не что иное, как на основе права организованный в пределах определенного пространства народ» (см.: Fricker K. Von Staatsgebiet. 1867. S. 27; переизд. в 1901 г. «Gebiet und Gebietshoheit». Tübingen, 1901. S. 112. Цит. по: Трайнин И.П. Вопросы территории в государственном праве // Известия Академии наук СССР. 1947. № 4. С. 225).

Взгляды исследователей по вопросу сущности государства и его признаков, существа права и его признаков (широко известна дискуссия о понимании, прошедшая в нашей стране еще в 80-х годах прошлого столетия), системы теоретических знаний о государстве и праве различны. Наиболее взвешенной представляется концепция, согласно которой «необходимо существующая связь государства, права и правосознания и общность ряда их признаков обуславливают, во-первых, потребность их изучения в пределах одной фундаментальной науки, и, во-вторых, наличие в логическом аппарате этой науки принципов, понятий, суждений, фиксирующих общие свойства указанных явлений, закономерности их связи и взаимодействия». В то же время каждая из теорий (теория права и теория государства) специфична потому, что «во-первых, имеет своеобразный предмет познания; во-вторых, ставит цель раскрыть его объективную сущность; в-третьих, выражает эту сущность, формы ее проявления и закономерности в системе собственных, только ей присущих категорий и понятий; в-четвертых, обладает соответствующей сферой «выхода» своих знаний в область специальных юридических наук и общественной практики»¹⁷.

Приведенная позиция зиждется на материалистическом понимании истории, когда государство и право не отождествляются и искусственно не противопоставляются. Таким образом, не следует предавать забвению правотворческую функцию государства, посредством которой и происходит превращение господствующих социально-экономических интересов в официально признаваемые интересы членов общества, функцию охраны правопорядка и укрепления законности, логически вытекающую из правотворческой деятельности государства, правовые формы осуществления функций государства и т.д. Естественно, учитывая при этом, что «право никогда не бывает всего лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли»¹⁸. Отсюда проистекает актуальная для теории государства и права проблема правового государства, квинтэссенция которой состоит в глубинной взаимосвязи государственной власти и права, обусловленности государственной власти правом и т.д.

Сегодня, например, проф. В.Е. Чиркин предлагает собственный путь выхода из кризиса современной теории государства путем выделения особой отрасли знания и учебной дисциплины – государствоведения. В обоснование своего предложения он отмечает: «...**юристы изучают явления государственности через призму права. Подобное изучение явлений государственности через**

¹⁷Васильев А.М. Указ. соч. С. 3–39. Кроме теории государства и теории права проф. А.М. Васильев выделял также теорию правосознания.

¹⁸Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 29.

право необходимо, но такой подход в качестве единственного иногда не дает истинного представления о реальности»¹⁹. Что же, никакое знание не абсолютно, есть различные науки (юридические, прочие гуманитарные, естественные, технические), достижениями которых (может быть не всегда успешно) пользуется юриспруденция. Но и они, в свою очередь, могут использовать знания, сгенерированные юриспруденцией.

Далее В.Е. Чиркин, используя известный логический прием, пишет: «При организационном оформлении государственного знания необходимо установить исходный элемент, “клеточку” исследований... В государственном знании такой элементарной единицей является, видимо, институт государственности»²⁰. Впрочем, перечисляя далее простейшие институты государственности, исследователь не приходит к какому-то однозначному выводу относительно конкретной точки государствоведческих исследований, ссылаясь на невозможность абсолютно точных выводов и рекомендаций, одинаково пригодных для всех условий²¹.

Профессор В.М. Сырых, развивая теорию права, видит “клеточкой” и наиболее простой категорией данной теории норму права; отсюда, по его мнению, начинается структурный ряд общей теории права. Он пишет, что, “руководствуясь методологическими положениями К. Маркса²², советские правоведы неоднократно пытались определить начало общей теории права, но существенно разошлись в понимании того, какая категория может выступать в этом качестве”. Далее приводятся различные мнения по данной проблеме и следует вывод: “Основополагающий вопрос формирования логической структуры данной науки по-прежнему остается одним из актуальных в современном правоведении и ждет своего компетентного решения”²³.

В.М. Сырых, исследуя логические основания общей теории права, справедливо подчеркивает взаимодействие государства и права, указывая на то, что **закономерная связь государства и права составляет**

предмет, как теории государства, так и теории права “с той лишь разницей, что каждая из них рассматривает эту связь сообразно специфике своего предмета. Теория права уделяет первостепенное внимание правовым формам деятельности государства... Теории государства приходится жертвовать “чистотой” предмета и рассматривать ряд правовых вопросов, связанных с обоснованием внутренней организации государства, реализацией правовых форм его функций, характеристикой политического режима”²⁴.

Как видим, позиции исследователей базируются на едином методологическом подходе. Применение этого подхода к отдельным сторонам государственно-правовой действительности приводит к выводам, которые, безусловно, способствуют развитию отдельных сторон общей теории государства и права. Вместе с тем отвлечение от взаимосвязанных закономерностей развития государства и права не приблизит нас ни к разрешению проблемы основ (философских, логических и др.) теоретических исследований как государства, так и права, ни к конкретизации общих закономерностей развития государства и права и прочих актуальных проблем юридической науки.

Сложной, противоречивой взаимосвязью основных компонентов общей теории государства и права нельзя пренебречь. Профессор Г.В. Мальцев справедливо подчеркивает, что “любое право как таковое обнаруживает почти все свои типические свойства и особенности, благодаря непосредственной связанности с властью”²⁵. Полагаем, что какую бы категорию ни выбрал исследователь в качестве основной в теории права, теории государства (“свобода”, “норма права”, “государственная воля господствующего класса”, “государственный институт” и т.д.), при ее объективном диалектико-материалистическом анализе, дальнейшем разворачивании категориального ряда, анализе предмета и объекта, философского и эмпирического оснований, а также теории и метода соответствующей науки, не удастся игнорировать закономерную связь государственной власти и права.

В своем труде “О происхождении семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана” Ф. Энгельс пишет: «Государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также “действительность нравственной идеи”, “образ и действительность разума”, как утверждает Гегель»²⁶. Государство есть продукт общества на известной ступени

¹⁹ Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания // Гос. и право. 2008. № 4. С. 14.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ См.: там же. С. 16.

²² В предисловии к “Капиталу” К. Маркс отмечал: “Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки... Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции” (см.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1978. С. 5–6).

²³ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. М., 2004. С. 146.

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 281. Г.В. Мальцев подчеркивает различия власти права и государственной власти.

²⁶ Кстати, знаменитая гегелевская “Философия права”, первое (прижизненное) издание которой на немецком языке было осуществлено в Берлине в октябре 1820 г. (на титуле — 1821), имела двойное наименование: *Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse / Grundlinien der Philosophie des Rechts* (Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права). См.: Примечания к гегелевской “Философии права”. М., 1990. С. 484.

развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»²⁷.

Надо ли напоминать, что на всем протяжении своего исследования Ф. Энгельс обращался к феномену права (от права материнского, родового права до народного права, всеобщего избирательного права и т.д.). Например так: “Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность”²⁸.

В приведенных цитатах доступно изложена глубокая мысль о закономерной связи властеотношений и нормативного регулирования в любом обществе: догосударственным, а также “выросшем” из него государственно-организованном. Разделение на властвующие и подвластных существует в любом социуме. В процессе выделения публичных властных структур и правовых норм властеотношения формализуются в праве, а субъекты права приобретают взаимные права и обязанности, соотношение которых зависит от степени развития общества. Властеотношениями, урегулированными нормами права, пронизано все общество, именно правовые властеотношения актуальны для современного правового государства.

Авторы учебника “Теория государства и права” утверждают, что “закономерности государства, которые не связаны непосредственно с правом, не являются отражением взаимодействия этих двух самостоятельных общественных явлений (например, сущность социальной власти вообще и государственной власти — в частности, связь государства с идеологией, культурой, менталитетом общества и др.), не являются предметом теории государства и права”²⁹.

Действительно, неюридические феномены в их взаимодействии с государством составляют неотъемлемую часть **объекта** теории государства; неюридиче-

ские феномены в их взаимодействии с правом составляют неотъемлемую часть **объекта** теории права.

Что касается **предмета** теории государства и права, то он включает взаимосвязанные закономерности возникновения, развития/функционирования государства и права как относительно самостоятельных общественных феноменов.

Теория государства и права является методологической наукой по отношению ко всем другим юридическим наукам. Категории, понятийный аппарат данной науки, расположенные в определенном логическом порядке, скрепленные причинно-следственной связью, общими принципами и закономерностями, образуют структурно-логическую конструкцию системы научно-теоретических знаний о государстве, праве, правовой культуре.

Что касается теории государства и права как учебной дисциплины, то она преподается на первом и последнем курсах университетов уже в виде проблем теории государства и права³⁰. Начальное изучение теории государства и права предполагает главную учебную цель: сформировать у студентов общие представления о государстве и праве через раскрытие их основных понятий, вооружить их этими понятиями для изучения прочих юридических наук. На завершающем этапе обучения должен проявиться комплексный характер теории государства и права, раскрыться ее социально-философское содержание. Такая подача учебного материала позволяет органично сочетать курс теории государства и права с иными, прежде всего отраслевыми и историко-правовыми юридическими дисциплинами³¹.

Проблемы места и статуса теории государства и права в системе преподавания не новы. В самом общем виде они характеризуются, во-первых, отсутствием четко обозначенной философской основы, во-вторых, недостаточным вниманием к теории государства как научного направления в юриспруденции.

Надо трезво отдавать себе отчет в кризисе современной теории государства, который порожден различными причинами и не в последнюю очередь политико-идеологическими. В этом смысле научное направление “государствоведение” является, безусловно, прогрессивным, способным раскрыть содержание различных политико-государственных учений. Что касается преподавания отдельных учебных курсов государствоведения и теории права, то даже сторонник такого размежевания проф. В.Е. Чиркин указывает на необходимость их параллельного изучения студентами³². Полагаем, те, кто имеет опыт преподавания в вузах, понимают, что,

³⁰О теории государства и права как учебной дисциплине, ее задачах и функциях, см., например: Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 24–27; Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2007. С. 637–655 и др.

³¹См.: О преподавании теории и истории государства и права // Правоведение. 1995. № 3.

³²См.: Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания // Гос. и право. 2008. № 4. С. 20.

²⁷Энгельс Ф. О происхождении семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. Изд. 2-е. С. 169–170.

²⁸Там же. С. 171.

²⁹Теория государства и права / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 14.

во-первых, возможный учебный курс государствоведения по своей структуре, проблематике, методологии и т.д., пока “не созрел” до отдельной учебной дисциплины, и, во-вторых, что подготовка, взгляды, стиль изложения материалов ученых-преподавателей различны. Упорядоченная последовательность подачи материала теории права и государствоведения (не говоря уже о неизбежных изменениях в расписании занятий) вряд ли может быть гарантирована самым жестким стандартом, поэтому путаницы в головах студентов не избежать.

Сохранение единого учебного курса теории государства и права как базовой учебной дисциплины объективно соответствует современным требованиям подготовки юристов по специальности “Правоведение”. А вот в качестве спецкурсов, отдельных тем курса проблемы теории государства и права могут быть использованы многие новации³³. Все дело в заинтересованности студентов и в подготовке преподавателей.

³³См., например: *Левакин И.В.* О современной российской юридической регионологии (К постановке проблемы, ее научном статусе и возможностях преподавания) // *Гос. и право.* 1997. № 10. С. 59–64.